

К 300-ЛЕТИЮ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ГЛАВНОЕ ДЕЛО ЖИЗНИ

© 2021 г. А. Д. Ноздрачев^{a,c,*}, М. А. Пальцев^{b,**}, Е. Л. Поляков^{c,***}

^a Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

^b Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

^c Институт физиологии им. И.П. Павлова РАН, Санкт-Петербург, Россия

*E-mail: a.d.nozdrachev@mail.ru

**E-mail: info@mail.bio.msu.ru

***E-mail: evgeniy.polyakov@humanistica.ru

Поступила в редакцию 11.01.2021 г.

После доработки 24.01.2021 г.

Принята к публикации 05.02.2021 г.

В статье рассматривается история создания супружеской четой А.П. и Е.М. Ольденбургских Императорского института экспериментальной медицины (ИИЭМ) — в декабре 2020 г. исполнилось 130 лет со дня создания этого первого в России научно-исследовательского учреждения в области биологии и медицины. Благодаря блестяще подобранному коллективу профессионалов он уже в первые годы своего существования приобрёл известность в России и за рубежом, завоевал авторитет у специалистов многочисленными работами высокого научного уровня. Сотрудник ИИЭМ И.П. Павлов первым из россиян удостоился Нобелевской премии. Биостанцию в Колтушах, где он вёл многочисленные эксперименты, называли “столицей условных рефлексов”. Структурные подразделения института действовали в Петербурге, Кронштадте, Рамони под Воронежем, в Гагре. Проводимые в этих подразделениях исследования способствовали ликвидации опасных эпидемий, разработке эффективных способов лечения инфекционных и многих других заболеваний. Высокий уровень исследований стремится поддерживать и новые поколения учёных ИЭМ. Сегодня они с успехом используют молекулярные подходы к изучению биологических, нейрофизиологических, генетических и иных механизмов функционирования организма человека.

Ключевые слова: А.П. Ольденбургский, Институт экспериментальной медицины (ИЭМ), “Чумный форт”, АМН СССР, РАМН, Отделение физиологических наук РАН, Отделение медицинских наук РАН.

DOI: 10.31857/S086958732104006X

Регламент Академии наук и художеств, подготовленный её первым президентом лейб-медиком Петра I Л.Л. Блюментростом (1692–1755), открывался замечательной фразой: “Излишнее дело пространно писать, что к благосостоянию всякого государства науки и художества дело необходимо потребное”. Повышению благосостояния России на основе развития не только её эко-

номики, но и науки, культуры уделяли большое внимание лучшие представители правящего слоя, в том числе и ушедшей в историю после 1917 г. родовой аристократии.

Принц Александр Петрович Ольденбургский (1844–1932) многократно подчёркивал, что считает главным делом своей жизни создание Императорского института экспериментальной медицины (ИИЭМ). Задачей нового научного учреждения его основатель считал всестороннее изучение причин болезней, а также “практическое применение способов борьбы с заболеваниями и последствиями оных”. Эти два основных направления на протяжении многих лет определяли научно-организационную деятельность А.П. Ольденбургского, а её несомненный успех способствовал

НОЗДРАЧЕВ Александр Данилович — академик РАН, профессор кафедры общей физиологии биологического факультета СПбГУ, заведующий лабораторией ИФ им. И.П. Павлова РАН. ПАЛЬЦЕВ Михаил Александрович — академик РАН, директор Центра иммунологии и молекулярной биомедицины биологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. ПОЛЯКОВ Евгений Львович — кандидат медицинских наук, старший научный сотрудник ИФ им. И.П. Павлова РАН.

Принц А.П. Ольденбургский

укреплению его авторитета в России и за её пределами.

“Русские Ольденбургские”, как их называл И.А. Бунин, внесли немалый вклад в развитие образования, здравоохранения, фундаментальной и прикладной науки в нашей стране [1]. Только в Санкт-Петербурге насчитывается более 30 объектов, связанных с их именами [2–4]. Кто же они, “русские Ольденбургские”? Представители этого герцогского и княжеского рода немецкого происхождения находились в близком родстве с династией Гольштейн-Готторп-Романовых, правившей в Российской империи. Так, сын старшей дочери Петра I Анны и голштейнского герцога Карла Фридриха Карл Пётр Ульрих в 1761 г. стал российским императором Петром III, а в 1796 г. уже сын Петра III и Екатерины II взошёл на престол как российский император Павел I.

Родовые связи ещё более укрепились, когда дочь Павла I Екатерина (1788–1819) вышла замуж за принца Петра Фридриха Георга (Георга Петровича) Ольденбургского (1784–1812). Именно он в 1809 г. основал в Петербурге Институт Корпуса инженеров путей сообщения (ныне Санкт-Петербургский государственный университет путей

сообщения им. Императора Александра I) [3, 5]. И это лишь один пример общественной и благотворительной деятельности, которая была отличительной чертой “русских Ольденбургских”. На ниве общественного служения особенно преуспел один из последних представителей рода — Александр Петрович.

С момента рождения, как было принято, принц А.П. Ольденбургский числился прапорщиком в лейб-гвардии Преображенском полку. Получил широкое и основательное домашнее образование, затем прослушал полный курс Училища правоведения. В гвардии с 1864 г. В чине генерал-майора участвовал в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. В 1880 г. назначен генерал-адъютантом Его Императорского Величества. С 1885 по 1889 г. командовал гвардейским корпусом, генерал от инфантерии с 1895 г. С 1896 г. — сенатор, член Государственного совета (его фигура присутствует на знаменитом полотне И.Е. Репина “Торжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 года в день столетнего юбилея со дня его учреждения”).

На пике военной карьеры принц принимает принципиальное решение оставить армию, чтобы сосредоточить свои усилия на благотворительной деятельности. В определённой мере к такому шагу его подтолкнула и кончина отца в 1881 г., после которой император Александр III возложил почти все попечительские обязанности Петра Георгиевича Ольденбургского, прежде всего в области просвещения и общественного призрения, на его сына. Но попечительские интересы принца вскоре распространились и на другую область — биологические исследования, включая медицину [6]. (Что касается военной службы, то в силу обстоятельств Александру Петровичу пришлось на неё вернуться, но и в годы командования гвардейским корпусом он ревностно исполнял многочисленные попечительские обязанности.)

По примеру Пастера. Познакомившись в 1886 г. с Луи Пастером, а в 1888 г. по его приглашению вновь побывав в Париже на открытии Пастеровского института, А.П. Ольденбургский решил всячески способствовать созданию в России подобного исследовательского научного учреждения. И для этого у него были основания. Ещё в 1886 г. на Санкт-Петербургской пастеровской станции, содержавшейся при ветеринарном лазарете лейб-гвардии конного полка на личные средства принца, ветеринарный врач Х.И. Гельман развернул масштабные по тем временам исследования: здесь изучались причины возникновения возвратного тифа, сибирской язвы, сапа, а эксперименты велись на более чем 1500 кроликах, 110 собаках, 55 обезьянах, а также на морских свинках, крысах, кошках, голубях, ослах и лошадях. Уже к концу 1886 г. прививку от нападений

Первый директор ИИЭМ Э.-Л. Ф. Шперк
Источник: официальный сайт ИЭМ.

бешеных животных на Пастеровской станции получили 140 пострадавших. Но сложная эпидемическая и эпизоотическая обстановка в России тех лет — вспышки чумы, холеры, сапа, туберкулёза, оспы, бешенства, сибирской язвы — диктовала необходимость расширения работ, поэтому Гельман подготовил предложение о создании на основе Пастеровской станции института в Петербурге. Ольденбургский оценил это предложение, но решил, что институт должен быть широкопрофильным, подобным тем, которые создали Л. Пастер в Париже и Р. Кох в Берлине.

2 ноября 1888 г. Ольденбургский получил у Александра III “соизволение”, на открытие научного учреждения, правда, “без отпуска средств из казны”. Однако вскоре становится ясно, что соб-

ственных средств принца для содержания института явно недостаточно, и он делает верный шаг — приглашает посетить своё детище царскую чету. О впечатлении от этого посещения можно судить по посланию императора в адрес А.П. Ольденбургского от 6 декабря 1890 г.: “Пребываю к Вам навсегда благосклонный. Искренне благодарный, Александр”.

8 (20) декабря 1890 г. в здании на Лопухинской улице (ныне Академика Павлова, 12) был торжественно открыт Императорский институт экспериментальной медицины (ИИЭМ). Попечителем Правительствующий сенат назначил принца Ольденбургского, а числилось учреждение по Министерству внутренних дел. За научными сотрудниками закрепили право на получение наследственного

дворянства. При открытии институт состоял из шести научных отделов и практического отделения — той самой Пастеровской станции, сотрудников которой консультировал Луи Пастер.

Предложение возглавить институт, сделанное принцем И.И. Мечникову, В.К. фон Анрепу и И.П. Павлову, никем из них не было принято, и в октябре 1891 г. директором назначается Э.-Л.Ф. Шперк (1837—1894), выпускник Харьковского университета, успешно защитивший докторскую диссертацию в Императорской медико-хирургической академии (ИМХА), главный врач больницы для “прилипчивых” болезней, попечителем которой были супруги Ольденбургские [3]. Любопытная деталь его биографии: в 1886 г. Шперк вместе с принцем побывал у Пастера в Париже. Эдуарда Фридриховича интересовал вопрос перенесения сифилиса на животных, получил он консультацию и по поводу новых методов предохранительных прививок от бешенства и сибирской язвы.

Главную свою задачу на посту директора института Шперк видел в том, чтобы “претворять научные достижения в практику” и успешно этого добивался. Например, в 1894 г. почти все сотрудники института приняли участие в борьбе с эпидемией холеры в Астрахани и Баку, используя методы, разработанные ими в лабораториях. Профессиональный подход позволил успешно справиться с эпидемией.

Уже в первый год работы института среди блестяще подобранных принцем учёных-экспериментаторов ярко выделялась единственная тогда представительница прекрасного пола — бактериолог Н.К. Шульц (1839—1917), ученица и последовательница Р. Коха. В числе талантливых сотрудников нельзя также не упомянуть первую в России женщину-профессора биохимии Н.О. Зибер-Шумову (1856—1916) и её сестру ученицу И.П. Павлова Е.О. Шумову-Симановскую (1852—1905).

Когда в связи с неожиданной кончиной Э.-Л.Ф. Шперка в 1894 г. встал вопрос о назначении нового директора, принц Ольденбургский по рекомендации И.П. Павлова остановил свой выбор на Сергее Михайловиче Лукьянове (1855—1935). Выбор оказался удачным. Выпускник ИМХА 1879 г. (окончил академию одновременно с И.П. Павловым, как и он, лучшим слушателем выпуска), талантливый и исключительно образованный специалист биологического профиля, к тому же обладавший организаторскими способностями, он ещё в мае 1883 г. защитил докторскую диссертацию о функциональных расстройствах сердца, в которой экспериментально обосновал идею С.П. Боткина о существовании нервных механизмов, лежащих в основе аритмии. Защита проходила в Императорской Военно-медицинской академии (ИВМА), где в том же месяце состоялась защита докторской диссертации “Центробежные нервы

сердца”, подготовленная Иваном Петровичем Павловым.

Под руководством Лукьянова в ИМЭМ был создан экспериментальный отдел общей патологии, главным направлением которого стало изучение структуры и функций клеточных структур сердечно-сосудистой системы, а также иммунитета. Ольденбургский, Павлов и Лукьянов помогли Е.С. Лондону (1869—1939) развернуть первые в мире экспериментальные исследования по рентгенологии и радиологии.

После 1905 г., а особенно с началом Первой мировой войны, на время своих командировок обязанности попечителя ИИЭМ принц полностью перекладывал на Лукьянова, что свидетельствует об исключительном доверии к нему. В 1904—1905 гг. Лукьянов временно возглавлял Министерство народного просвещения, в 1906 г. стал членом Государственного совета, в 1907 г. — тайным советником. Недолго был даже обер-прокурором Синода, но из-за резко отрицательного отношения к Григорию Распутину, обладавшему неограниченной властью над царской семьёй, покинул эту должность. Аналогичную позицию по отношению к старцу занимал и Ольденбургский.

В апреле 1917 г. Лукьянов подал прошение об отставке с поста директора ИИЭМ. После Октябрьской революции работал в 1-м Петроградском медицинском институте, пока не был арестован ВЧК в октябре 1919 г. В его защиту выступила интеллигенция, особенно научная, включая нобелевского лауреата И.П. Павлова, и в ноябре 1920 г. Лукьянов был освобождён, но всё честно заработанное у него отняли, оставив только проходную комнату старой квартиры и назначив минимальную пенсию. В 1935 г., когда Сергей Михайлович ушёл из жизни, среди провожавших его в последний путь был и ближайший друг, однокашник, многолетний коллега по ИИЭМ И.П. Павлов.

“Чумный форт”. В мае 1894 г. Совет ИИЭМ под руководством И.П. Павлова принял решение о немедленном начале работ первостепенной важности по изучению чумы и холеры, эпидемии которых сеяли ужас и панику среди населения, наносили большой ущерб. Инициатива учёных и периодические вспышки двух опасных болезней послужили толчком к созданию в январе 1897 г. “Особой комиссии по предупреждению занесения чумной заразы в пределы Российской империи” (Комочум) под председательством принца Ольденбургского. Его заместителем по финансовым вопросам был назначен премьер-министр С.Ю. Витте, по научным — микробиолог, эпизоотолог, один из ведущих сотрудников ИИЭМ А.А. Владимиров. В состав руководства вошли также министры внутренних и иностран-

“Чумный форт” (современный снимок с воздуха)

ных дел, юстиции, военный министр, а также государственный контролёр.

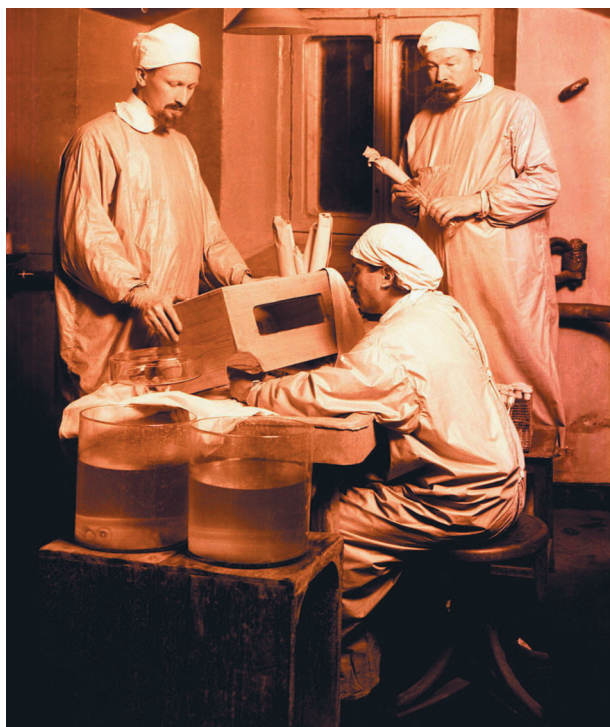
Работать в черте города с опаснейшей малоизученной инфекцией было большим риском, и принц Ольденбургский уже через две недели после образования Комочума добился от Николая II, военного министра и коменданта Кронштадтской крепости передачи ИИЭМ под чумную лабораторию выведенный за штат форт “Александр I” [7], располагавшийся в полутора километрах от Кронштадта. Для его оснащения под новые цели были выделены огромные суммы — только на оборудование 181 605 руб. Так в истории науки благодаря стараниям принца Ольденбургского открылась новая и весьма важная страница.

В чумной лаборатории функционировали заразное и незаразное отделения, отгороженные друг от друга нейтральным помещением. На первом этаже форта располагались лабораторные комнаты, виварий для экспериментальных животных, баня, стерилизатор, электрогенератор, специальные печи для сжигания отходов. На втором этаже — кабинеты для совещаний и приёма немногочисленных гостей: посещение форта допускалось только по специальному разрешению. Третий этаж отводился под лабораторные помещения и склады. Для размещения врачей и сотрудников были предусмотрены 11 изолированных комнат со всеми удобствами вплоть до ванн. Связь с берегом летом осуществлялась с помощью институтского пароходика “Микроб”, зимой — на запряжённых

санях. Для коммуникации использовалась телефонная и телеграфная связь.

По понятным причинам в “Чумном форте” действовал суровейший распорядок. Сотрудник ИИЭМ Д.К. Заболотный позднее вспоминал: “Необычайное местоположение форта, его конфигурация, богато оснащённая лаборатория, труженики, работающие со столь опасным материалом, — всё это на нас, ещё мало искушённых в медицине, производило большое и неизгладимое впечатление. Кроме того, в библиотеке стояли урны с прахом погибших врачей, которые заразились при работе с (лабораторной) чумой. Над урнами горели неугасимые лампы. Усугублял ещё сильнее это потрясающее впечатление несмолкающий рокот моря, бившего о гранитные стены форта” [8].

“Чумный форт” очень быстро приобрёл широкую известность и исключительно высокий научный авторитет лучшего в стране исследовательского учреждения ещё и потому, что в нём работали талантливые учёные. Параллельно с решением задач практической эпидемиологии они вели фундаментальные исследования, искали ответы на сложные вопросы. Возникновение эпидемий чумы стали связывать, во-первых, со вспышками у грызунов и их миграцией; во-вторых, с существованием в отдельных областях планеты эпидемических очагов этого заболевания. Уже упоминавшийся Д.К. Заболотный, будущий академик, ещё в 1899 г., основываясь на экспериментальных наблюдениях в виварии форта, предположил, что

В лаборатории “Чумного форта”
Источник: официальный сайт ИЭМ.

в природе дикие грызуны являются очагом-хранителем чумы. Вот что он писал по этому поводу: “Различные породы грызунов, по всей вероятности, представляют в природе ту среду, в которой сохраняются чумные бактерии. Отсюда явствует, как важно выяснить повальные заболевания водившихся в данной местности грызунов”. Эта архисмелая гипотеза [9] только спустя 15 лет получила абсолютное мировое признание, чему в значительной мере способствовали экспериментальные работы, проводившиеся в ИИЭМ.

Современники отдавали дань личной смелости сотрудников института. Известный журналист Н.В. Эйзень писал в 1904 г.: “Рискуя каждое мгновение жизнью, работая постоянно как бы под дамокловым мечом в непосредственной близости к возбудителям особо опасных инфекций: чумы, холеры, сибирской язвы и т.д., несколько десятков человек, преданных науке, занялись тяжёлым и опасным трудом, чтобы спасти человечество от страшных врагов — особо опасных инфекций, в частности и от чумы. Трудясь в течение ряда лет здесь вдали от практически всего живого, не покладая рук, но с огромным успехом, они спасли миллионы людей от неминуемой гибели... враг, с которым велась смертельная борьба, ододел на миг и сгубил двух главных борцов этой твердыни” [10, 11]. Жертвами стали заведующий Особой лабораторией В.И. Турчинович-Выжников и ветеринарный врач М.Ф. Шрайбер. О том, ка-

кой эмоциональный отклик в России вызвала эта трагедия, свидетельствуют собственноручные записи членов императорской семьи, учёных, представителей духовенства в журнале посетителей лаборатории, хранящемся в фонде Музея истории Института экспериментальной медицины.

О личном участии принца А.П. Ольденбургского в борьбе с эпидемиями говорят факты. Когда в 1899 г. в районе Ахтубы (дельта Волги) возник быстро развивающийся чумной очаг, туда немедленно была отправлена экспедиция во главе с А.П. Ольденбургским. В связи с эпидемическими вспышками он выезжал также в Туркестан, Самарскую, Астраханскую губернии, где проявил себя превосходным администратором.

Но вернёмся в 1897 год. После учреждения Комочума принц принял решение отправить экспедицию в Индию. В первый же день по прибытии в место назначения участники экспедиции посетили лабораторию ученика И.И. Мечникова и Л. Пастера, создателя первых в мире вакцин против холеры (1892 г.) и чумы (1896 г.) Владимира Ароновича Хавкина. Его авторитет в Индии был очень высок. Достаточно упомянуть, что с 1893 по 1904 г. Хавкин занимал должность государственного бактериолога индийского правительства, а с 1896 по 1904 г. возглавлял созданную по его инициативе противочумную лабораторию в Бомбее. В 1925 г. она была преобразована в институт его имени (Haffkine Institute), ставший центром по изучению бубонной чумы и холеры в Южной Азии. Первый президент Индии Р. Прасад отмечал: “Мы премного обязаны доктору Хавкину. Он помог Индии избавиться от основных эпидемий — чумы и холеры”.

Владимир Аронович тепло встретил соотечественников, поделился немалым опытом борьбы с эпидемиями, способами их предупреждения. Поскольку экспедиция привезла с собой для проверки в Бомбее разработанную в ИИЭМ противочумную сыворотку, Хавкин добился выделения под эти цели чумного госпиталя, где вместе с петербуржцами, не покладая рук, три месяца работал в составе экспедиционного коллектива. Замечательным достижением этих совместных работ стало то, что ни один из пациентов, привитых “лимфой Хавкина”, не погиб. Об этих результатах по возвращении участников экспедиции в Петербург, конечно, было доложено принцу Ольденбургскому, поэтому с открытием “Чумного форта” здесь по его поручению продуцировалась преимущественно “лимфа Хавкина”, причём в огромных количествах. Был налажен масштабный выпуск и других эффективных препаратов.

Впечатляют объёмы производства и реализации лабораторией различных вакцин и сывороток за первые 25 лет её существования — 1103139 флаконов. Стрептококковой, стафилококковой, столб-

нячной, скарлатинной и вакцины против тифа было выпущено, исходя из расчётов, на 1230260 человек. Общий объём вакцины от чумы — 4795384 см³, противочумной сыворотки — 2343530 см³, противохолерной вакцины — 1999097 см³, противохолерной сыворотки — 1156170 см³ [7]. Всё это позволило остановить холеру 1908–1909 гг. в Петербурге, чумные эпидемии в 1910–1911 гг. на Дальнем Востоке, холерные эпидемии в период Первой мировой войны, возвратного тифа 1919–1922 гг. в Одессе, периодические вспышки инфекционных заболеваний в Поволжье и Закавказье.

Что касается “Чумного форта”, то официально он просуществовал до 1 января 1918 г. Научное оборудование и реактивы передали в Государственный институт экспериментальной медицины (ГИЭМ) — так стал называться ИИЭМ с марта 1917 г., в Институт экспериментальной ветеринарии (с 1918 г. в Москве), Петроградский бактериологический институт им. Пастера (ныне Санкт-Петербургский НИИ эпидемиологии и микробиологии им. Пастера), а также использовали для создания институтов в Москве и Саратове. Саратовский “Микроб” уже в 1919 г. взял на себя руководство противочумными учреждениями России. Особое внимание уделялось изучению эпидемических очагов астраханских степей. К 1970-м годам в стране действовали 6 противочумных НИИ и 29 противочумных станций. Это ли не доказательство, что инициатива принца оказалась востребованной, принесла пользу не одному поколению наших граждан.

Принцесса Е.М. Ольденбургская. Самое заинтересованное участие в благотворительной деятельности принимала и супруга принца. В 1869 г. Александр Петрович женился на внучке императора Николая I Евгении Максимилиановне (1845–1925), дочери Великой княгини Марии Николаевны и герцога Максимилиана Лейхтенбергского. (Основателем этого герцогского дома был бывший итальянский вице-король Евгений Богарне, пасынок Наполеона.) Теперь она стала принцессой и помимо того являлась светлейшей княжной Романовской. П.Г. Ольденбургский одобрил выбор сына, поскольку невеста унаследовала все положительные качества своей матери [5].

Как считали современники принцессы Ольденбургской, она была во всех отношениях человеком исключительно привлекательным. По-русски говорила и писала безукоризненно. Выйдя замуж, стала широко известна своей благотворительной и просветительской деятельностью. Среди тех, кто обращался к ней за поддержкой и содействием, было немало известных персон: А.Н. Бенуа, Н.К. Рерих, С.П. Дягилев, В.О. Ковалевский. Помогла она даже Л.Н. Толстому, который в письме своей двоюродной тётке А.А. Толстой 17 апреля 1884 г. отмечал: “Впечатление,

Принцесса Е.М. Ольденбургская

оставшееся от Евгении Максимилиановны, такое хорошее, милое, простое и человеческое, и всё, что я слышал, так подтверждает это впечатление, что мы решили просить её, чтобы она передала прошение (об облегчении участи одной из политических заключённых — Н.А. Арнфельд) Императрице. Что было сделано, имело успех и, конечно же, многого стоит”.

Принцесса оказалась художественно одарённой и интеллектуальной натурой, родителям мужа импонировало её высокоразвитое чувство гражданского долга, ибо это чувство отличало и их самих. Вот один пример. В 1874 г. молодые супруги создали в столице “Женские фельдшерские курсы при общине сестёр милосердия Св. Георгия”. На этих курсах преподавали С.М. Лукьянов и И.П. Павлов — тогда сотрудники ИМХА. И другой пример. Во время Русско-японской войны 1904–1905 гг. принц Ольденбургский способствовал созданию Порт-Артурского комитета по организации помощи раненым, руководство которым поручалось принцессе Ольденбургской. Уже по своей инициативе и на свои средства она открыла под Читой Голубевский санаторий для

раненых и больных солдат на 60 мест. Семья принца занималась также увековечением памяти павших в той проигранной войне.

Рамонь. В 1870 г. император Александр II купил в 40 км от Воронежа небольшое имение “Рамонь” и сахарный завод с ним по соседству, а в 1879 г. подарил их своей племяннице Евгении Максимилиановне Ольденбургской. Так он отметил её общественные заслуги в ходе Русско-турецкой войны. В 1890 г. принцесса выстроила в Рамони больничный комплекс, главным врачом которого стал доктор медицины П.П. Хижин, один из первых учеников И.П. Павлова, а она сама приняла на себя обязанности попечительницы. Лечились здесь рабочие и крестьяне Рамонской экономии, сахарного завода, прилежащих сёл. В 1912 г. в комплексе появилось родильное отделение, его открыла невестка Ольденбургских, Великая княгиня Ольга Александровна, ставшая тогда же попечительницей больницы. Она подвела к Рамони железную дорогу, построила конфетную фабрику, продукция которой удостоилась награды Всемирной выставки в Париже (заметим, что фабрика выпускает вкуснейшие конфеты и сегодня), открыла для рабочих сахарного завода бесплатную столовую.

В больнице имения Рамонь уже в 1880 г. была предпринята попытка создания Пастеровской станции, выделены койки для пострадавших от укусов взбесившихся животных, и прошедший у Пастера стажировку доктор П.П. Хижин начал их лечить. Спустя два года туда же направили доктора Э.-Л.Ф. Шперка, который открыл в больнице кожно-венерологическое отделение для лечения больных сифилисом.

Гагры. В начале XX в. Николай II пожаловал принцу Ольденбургскому 14 500 десятин земли в Абхазии для создания Гагринской климатологической станции. На её строительство ушли немалые деньги — 3 млн руб. Станцию заложили на территории крепости, где сохранился древний храм. Эти ценные исторические объекты отреставрировали на средства Евгении Максимилиановны.

Открытие климатологической станции состоялось в январе 1903 г. Там же построили училище для воспитанников петербургского приюта П.Г. Ольденбургского, бесплатную больницу с выдачей лекарств, оснастив её современным оборудованием для лечения и исследований. Команде эпидемиологов, сотрудников ИИЭМ, удалось извлечь местных жителей и отдыхающих от свирепствовавших на этой территории лихорадки и малярии. Для лечения горным воздухом выстроили гостиницу на высоте 1000 м над уровнем моря.

В годы Первой мировой. С вступлением России в войну Ольденбургский назначается верховным начальником Управления санитарной и эвакуационной части при Штабе верховного главноко-

мандующего. В состав управления вошли и сотрудники ИИЭМ, например, старшим врачом полевого военно-санитарного поезда принц определил молодого врача Н.Н. Аничкова. Весной 1920 г. он стал заведующим Отделом патологической анатомии ИИЭМ, а после Великой Отечественной войны был избран президентом АМН СССР и возглавлял её с 1946 по 1953 г.

Будучи опытным администратором Александр Петрович Ольденбургский быстро осуществил точный учёт медицинского персонала страны и произвёл его перераспределение. Более того, уже в начале сентября 1914 г. им отдаётся распоряжение о досрочном выпуске студентов 4–5 курсов медицинских факультетов университетов. Благодаря мерам, предпринятым принцем, строй военных врачей в 1915 г. пополнился полутора тысячами специалистов. По его же указанию в этот строй вставали и вольнонаёмные девушки и женщины с медицинским образованием. Они служили в соответствии с квалификацией врачами или медицинскими сёстрами. Показательно, что в лазарете, созданном принцем в ИИЭМ только до конца 1914 г. прошли лечение 390 раненых, из которых 119 вернулись в строй, лишь троих спасти не удалось. Конечно же, нашли широкое и весьма эффективное применение методические рекомендации по предупреждению эпидемий и эпизоотий, разработанные учёными, противотифозные и противодизентерийные сыворотки.

Параллельно А.П. Ольденбургский наводил строгий военный порядок и в своём ведомстве. Уже в самом начале военных действий принц назначает главным эпидемиологом армии ставшего уже известным и авторитетным учёным сотрудника ИИЭМ Д.К. Заболотного [3], и тот, не откладывая, добивается открытия специализированных передвижных госпиталей для раненых с инфекционными заболеваниями и свыше 30 бактериологических лабораторий. Для спасения жизни раненых требовалась противостолбнячная сыворотка, и ещё один из сотрудников ИИЭМ Е.С. Лондон занимался не только созданием, совершенствованием, но и производством этой сыворотки в “Чумном форте”.

Одна из важных задач, которую поставил и в меру сил решал принц, — создание частных госпиталей и больниц для раненых. В сентябре 1914 г. он первым отдаёт под госпиталь свой дворец на Дворцовой набережной, 2. Его примеру последовало императорское семейство — Романовы отдали под госпиталь часть Зимнего и царскосельских дворцов (Павловского, Екатерининского, Александровского). Своё превосходное здание Академии наук на Университетской набережной, 5 предоставили для раненых учёные. Патриотическому примеру последовали дворяне, духовенство. Более того, сёстрами милосердия в этих госпиталях стали

княжны Романовы, княгини, дочери представитель царской знати. Принц обратился также к губернаторам европейской части страны с предложением открыть небольшие (на 5–10 раненых) госпитали, и это предложение было ими поддержано.

В своих приказах и распоряжениях Александр Петрович опирался на мнения опытных учёных Н.Н. Бурденко, В.А. Оппеля, Д.К. Заболотного, Р.Р. Вредена, И.П. Павлова, А.А. Владимирова и многих других. Не без участия Ольденбургского на фронт поступили шесть первых специально созданных передвижных рентгеновских установок для госпиталей действующей армии. Более того, было организовано производство отечественных рентгеновских трубок для стационарных госпитальных установок. А вот предложение всемирно известного психиатра В.М. Бехтерева создать специализированный военный госпиталь для душевнобольных было не только рассмотрено, но и воплощено непосредственно принцем. Такой госпиталь открылся в Томске.

В годы войны Императорский институт экспериментальной медицины продолжал работать в обычном режиме. В лаборатории И.П. Павлова не приостанавливались исследования по физиологии больших полушарий мозга: в отчёте за 1915 г. отмечено, например, что его сотрудниками и учениками Л.А. Орбели и К.М. Быковым были опубликованы позднее ставшие классическими “Материалы к физиологии поджелудочной железы” [12, с. 167]. Ко второму десятилетию XX в. ИИЭМ стал уже мощнейшим на то время исследовательским учреждением, ориентированным на постановку и решение широкого круга научных задач в области биологии, медицины, ветеринарии.

Знаки уважения и признания. Александр Петрович был хорошо знаком с Луи Пастером, Рудольфом Вирховым, Сергеем Петровичем Боткиным, Владимиром Михайловичем Бехтеревым и многими другими светилами науки того времени. В музее истории Пастеровского института в Париже одному из авторов статьи довелось увидеть малахитовую вазу — подарок принца Ольденбургского. В свою очередь в Музее истории ИЭМа в Санкт-Петербурге можно даже подержать в руках монографию Пастера с дарственным автографом принцу.

Достижения А.П. Ольденбургского были оценены современниками. В 1890 г. он был избран почётным членом Петербургской академии наук, Императорской Военно-медицинской академии. В 1899 г. стал почётным гражданином Санкт-Петербурга “за неутомимую деятельность по укреплению добрых нравов городского населения и сердечное отношение к учащимся в городских начальных училищах”. Накануне Первой мировой войны в связи с 50-летием военной и государственной службы именным высочайшим указом

Николай II пожаловал Ольденбургскому титул императорского высочества (Уложение об императорской фамилии предусматривало пожалование этого титула дальним родственникам) [5, 13].

В 1913 г. была учреждена премия Его Высочества Принца Александра Петровича Ольденбургского за наиболее выдающуюся работу в области медицины, гигиены или санитарии. Из-за начавшейся войны премию присудили лишь в 1914 г. — доктору медицины бактериологу М.Н. Рубелю. В 2007 г. решением учёного совета НИИЭМ РАМН премия принца Ольденбургского была возрождена и поныне ежегодно присуждается сотрудникам учреждения за достижения в области медико-биологических наук.

В царской свите Ольденбургский оставался до самого отречения Николая II. В силу понятных причин он не поддержал образования Временного правительства и вскоре с семьёй эмигрировал из России вначале в Финляндию, затем во Францию. Здесь в Биарицце на вилле Машелон, которую Александр Петрович купил в 1921 г., они прожили до конца своих дней. Первым от скоротечной чахотки ушёл в 1924 г. сын Пётр, за ним в 1925 г. от рака — Евгения Максимилиановна, последним в 1932 г. — Александр Петрович.

За три года до того печального события будучи во Франции в 1929 г. по делам сугубо научным И.П. Павлов счёл своей обязанностью навестить Александра Петровича, с которым до самой его эмиграции они работали в ИИЭМ душа в душу. Принц высоко ценил гениального учёного. Ещё до открытия института он предложил Павлову создать лабораторию, что и было осуществлено. Позднее эта лаборатория невероятно прославилась научными достижениями во всём мире. С большой радостью принц воспринял сообщение о присуждении И.П. Павлову Нобелевской премии (первой в мире в номинации “физиология”), о чём свидетельствует и тот факт, что в декабре 1904 г. в своём дворце на Дворцовой набережной он организовал праздничный обед в честь 25-летия научной деятельности первого в России нобелевского лауреата. Несомненно, Ольденбургский испытывал признательность к Павлову и за то, что прежде всего благодаря его усилиям в 1919 г. удалось отстоять от расправы ЧК многолетнего директора ИИЭМ С.М. Лукьянова. Конечно, Александр Петрович знал и о том, как много сделал И.П. Павлов для того, чтобы убедить большевистское руководство и прежде всего В.И. Ленина в крайней необходимости организовать действенную помощь учёным в период послереволюционной разрухи. В итоге была создана комиссия по улучшению быта учёных под председательством М. Горького, в великолепном дворце по адресу Дворцовая набережная, 26 открылся Дом учёных [15].

Создавая ИИЭМ, Александр Петрович Ольденбургский следовал по пути реализации социального заказа — нужды практической медицины влияли на формирование научных направлений. Тому же правилу следовали его ученики и последователи. Принц тщательно продумывал и обосновывал каждый шаг, особенно дорожа советами Пастера и Павлова. В библиотеке и музее ИЭМ можно ознакомиться с адресованными Ивану Петровичу письмами Луи Пастера того периода.

За 130 лет существования Института экспериментальной медицины тысячи и тысячи учёных-исследователей прошли в его стенах классическую научную школу. Имена некоторых увековечены мемориальными досками, 22 были избраны действительными членами АН СССР (РАН), 20 — действительными членами АМН СССР (РАМН), 11 — членами-корреспондентами АН СССР (РАН), 12 — членами-корреспондентами АМН СССР (РАМН).

В последние десятилетия появились новые методические возможности, благодаря которым углубилось понимание физиологических механизмов жизни практически всех биологических объектов уже на молекулярном уровне. К такому пониманию стремился, придя в ИИЭМ ещё в конце XIX в., И.П. Павлов. Он называл его будущим “физиологии живой молекулы” [14]. Теперь именно на таком уровне работают и интерпретируют результаты своих исследований многие лаборатории ИЭМ — детища принца Ольденбургского. Примерами могут служить коллективы, возглавляемые академиком РАН Е.А. Корневой и членами-корреспондентами РАН А.Н. Суворовым, О.В. Шамовой, А.С. Симбирцевым, профессорами РАН А.В. Дмитриевым, Д.Э. Коржевским.

Минувшее 130-летие даёт нам право гордиться достижениями созданного принцем А.П. Ольденбургским института, передовым уровнем ведущихся здесь исследований, талантливыми и преданными науке сотрудниками, многие из которых стали всемирно известными специалистами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бунин И.А. Его высочество // Бунин И.А. Окаянные дни. Тула: Приокское кн. изд-во, 1992. С. 250–257.
2. Анненкова Э.А., Голиков Ю.П. Русские Ольденбургские и их дворцы. СПб.: Алмаз, 1997.
3. Голиков Ю.П., Сапронов Н.С. Попечитель Императорского Института экспериментальной медицины принц Александр Петрович Ольденбургский. СПб.: Росток, 2010.
4. Ольденбургские в Петербурге. <https://oldenburgdom.jimdo.com>
5. Анненкова Э.А. Ольденбургские: неугасимая свеча добра и милосердия: их Императорские Высочества Евгения и Александр Ольденбургские. М.: Дом ТОНЧУ, 2017.
6. Анненкова Э.А., Голиков Ю.П. Принцы Ольденбургские в Петербурге. СПб.: Росток, 2004.
7. Шарпило В.Г. “Чумной форт” — гордость российской науки // Иппология и ветеринария. 2014. № 3(13). С. 70–74.
8. Воспоминания З. Игнатович, студентки ЖМИ. Машинопись // Коллекция музея истории ПСПбГМУ им. И.П. Павлова. Ф. 7–14. Оп. 9. Ч. 1. С. 28–29.
9. Пицык Н.Е. Даниил Кириллович Заболотный, 1866–1929. М.: Наука, 1988.
10. Эйзен Н.В. В очаге чумы // Знание и искусство. 1904. № 3.
11. Берестнев Н.М. О чумных заболеваниях в лаборатории в форте Александр I в Кронштадте в феврале 1907 г. // Архив биол. наук. 1908. Т. 13. Вып. 4–5. С. 271–289.
12. Летопись жизни и деятельности академика И.П. Павлова. Т. 1. 1849–1917. Л.: Наука, 1969.
13. Правительственный вестник. 1914. 8 мая.
14. Павлов И.П. Памяти Р. Гейденгайна // Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. Т. 6. С. 96–108.
15. Ноздрачев А.Д., Тихонов А.А., Поляков Е.Л. и др. Дом учёных: начало пути в документах и фактах (к 100-летию со дня основания). СПб.: Art-Xpress, 2020.